

МӘДЕНИЕТТАНУ

Б.Г. Нуржанов, А.М. Ержанова

ЧТО ТАКОЕ CULTURAL STUDIES?

Примерно в то же время, что и российская «культурология» (начало 1990-х г.г.), на Западе, в основном в англоязычных странах, сформировалось новое самостоятельное направление в гуманитарных науках, получившее наименование *cultural studies*. Это наименование трудно поддается адекватному переводу на русский язык (буквально «культурные исследования», но это не совсем точный перевод), поэтому до появления адекватного и общепринятого перевода мы оставим его в его оригинальном, английском наименовании.¹ Можно было бы перевести его как «культурология», если бы не довольно существенные различия в содержании, понятийном аппарате, теоретических подходах, исходных допущениях и методах этих двух дисциплин. Говоря точнее, *cultural studies* возникли тремя десятилетиями раньше, но до рубежа 1980-х – 1990-х г.г. они не были институционализированы в самостоятельную область гуманитарных наук.

Необходимость и актуальность изучения

cultural studies диктуется по крайней мере двумя обстоятельствами. Первое: это «передний край» современного гуманитарного знания на Западе, его последнее слово, с которым совсем не знакомы казахстанские и плохо знакомы ученые постсоветских стран. Интеллектуальная, идейная, философская и мировоззренческая дистанция, отделяющая культурологию от *cultural studies*, настолько же велика, насколько в свое время дистанция между советской и западной философией. Не будучи знакомыми с *cultural studies*, с их содержанием, методологией и идеологией, мы опять обречены на отставание, «догоняние» и арьергардизм. Если мы хотим войти в число 50-ти развитых стран, то мы должны войти туда не только экономически и политически, но и культурно, научно и образовательно развитыми.

Второе: бурно, но не без проблем, протекающая в Казахстане реформация образования направлена прежде всего на стандартизацию учебных планов и дисциплин отечественных и зарубежных учреждений образования (для высшего образования – университетов). «Стандартами» выступают европейские и североамериканские системы образования и их учебные планы и дисциплины. В английском и французском языках вообще отсутствует слово «культурология», соответственно, и одноименная научно-учебная дисциплина (в немецком оно употребляется, но не «дисциплинарно»). С

¹ Перевод его на казахский язык как «мәдениеттік зерттеу» несколько облегчен, поскольку, во-первых, он ближе оригиналу, чем «культурные исследования», во-вторых, с обретением независимости Казахстаном казахский язык претерпевает период интенсивного развития, появляется много неологизмов, и даже самые невероятные из них (например, әуежай) постепенно нормализуются; поэтому «мәдениеттік зерттеу» на этом фоне выглядит не так уж дико.

каким, спрашивается, западным стандартом сравнивать отечественную «культурологию» и подготовку культурологов? Считается, что наиболее близкой к культурологии является англо-американская «культурная антропология», признанная научная дисциплина, по которой ведется и обучение студентов. Но культурная антропология это больше прикладная, чем теоретическая дисциплина, близкая прикладной социологии, этнологии и этнографии, и занимающаяся, кроме всего прочего, вопросами медицины, питания, семейно-брачных отношений, беременности женщин и т.д. Ни один казахстанский культуролог не считает, что это «вопросы культурологии». Сегодня наиболее близкой к культурологии можно считать именно англо-американские *cultural studies* (иногда называемые также *cultural theory* – культурная теория), но, повторяем, это такая далекая близость...

Этот, казалось бы чисто прагматический и дидактический вопрос заставляет нас поставить вопрос о том, как, когда и где сложился стандарт «культурологии». «Где» – наиболее легкий вопрос: в России, и мы, казахстанцы, заимствовали его у российских ученых. Труднее ответить «когда», поскольку в рамках советского марксизма существовала отдельная «теория культуры», относимая чаще всего к области «исторического материализма» и рассматривавшаяся как одна из его тем. Но была ли это «культурология»? Насколько она была независима от философии и идеологии марксизма? Мало кто сегодня согласится с тем, что наиболее адекватной теорией культуры является марксизм. Но труднее всего ответить на вопрос «как» (сложился стандарт культурологии). На первый взгляд, он синонимичен вопросу «когда возникла культурология?» На самом деле это разные вопросы: вопрос «как сложился стандарт» предполагает раскрытие ряда допущений и предпосылок, обычно остающихся без внимания во втором вопросе. Вопрос «когда возникла культурология» базируется на скрытом допущении (принимаемом как «факт»), что слово «культура» является важнейшим термином человеческих языков, а также часто на допущении, что «неважно, когда возникло слово (культура), гораздо важнее когда возникла «она сама». С этого момента, полагается, и начинается исследование культуры. Тогда уже древнейшие мифологии это уже (неосознанные, «нерефлексивные») исследования культуры, не говоря о религиозных и философских текстах, так или иначе апеллировавших к культуре. Неудивительно, что спектр ответов на этот вопрос в российской культурологии (по крайней мере на уровне учебников по культурологии)

варьируется от древнейших времен до начала XX века.

Cultural studies вкуче с семиотикой и постмодернизмом полагают, что никакой «сущности», «реальности», «объекта» вне текста (слова, языка) нет, что «сущность», «реальность» и т.д. конструируют дискурсы, поэтому ни о какой «культуре» до возникновения слова «культура» (и «культурологии») не может быть и речи. Поэтому ответ на второй вопрос всегда будет идеологическим, а не «правильным». Подобно тому как «нет человека – нет проблемы», если нет слова – нет проблемы. Культурология возникает когда возникает термин «культурология», который утверждает «культуру» как важный сегмент общества и оформляет науку о ней как важную гуманитарную науку. Следует добавить, что многочисленные теории культуры XX века это еще не «культурологии», поскольку культура понималась ими не как самостоятельный самодостаточный институт, а ставилась в различные социальные, философские и идеологические контексты. Следует принять во внимание также и то, что смысл «культуры» в них трактовался совершенно по-разному. Стандарт культурологии как чисто российского продукта сформировался, по нашему мнению, с одной стороны под влиянием советско-марксистского стандарта философии как истории философии, поскольку первыми «культурологами» были философы, с другой – под влиянием опять-таки советско-марксистского стандарта исторической науки как «закономерного процесса» с его «внутренней логикой развития», поскольку наряду с философами первыми культурологами были историки. Если бы «первыми культурологами» были филологи или искусствоведы, то стандарт культурологии был бы сегодня другой. Неслучайно «социология культуры», вполне институционализированная дисциплина в российской науке, предлагает совершенно иной стандарт культурологии. Поэтому есть большой смысл задуматься о легитимности существующего стандарта культурологии и о необходимости хотя бы сопоставления его с более продвинутыми западными аналогами.

Таким главным аналогом и являются *cultural studies*. Они именуется во множественном числе прежде всего для того, чтобы подчеркнуть их принципиально интердисциплинарный, мультидисциплинарный (иногда говорят *постдисциплинарный*) характер, имея в виду, что они вбирают в себя методы и понятия самых разных гуманитарных наук – от философии до медиалогии, от социологии до литературной критики. Это не автономная, самодостаточная

научная дисциплина с четко очерченной областью исследования и собственными методами исследования (как, скажем, социология или психология), а центр пересечения, сгусток самых разных подходов, идей и методов, взаимодействующих и пересекающихся друг с другом, и лишь благодаря такому взаимопересечению дающих новые и необычные результаты. Например, применение методов и принципов политической экономии к области культуры представителями Франкфуртской школы позволил рассмотреть ее как область культурного производства и тем самым дать новое понимание культуры. Применение семиотических и лингвистических методов к культуре дает понимание ее сути как текста и процесса производства смысла. Применение политэкономических и семиотических методов к медиа коммуникациям позволяет раскрыть их как важнейший культурный институт, в рамках которого сегодня чеканятся основные культурные нормы и ценности, субъективности и идентичности.

Но как бы ни были размыты и расплывчаты междисциплинарные границы, они все же есть, т.е. cultural studies имеют свой ряд допущений, исходных принципов, методов и понятий, присущих только им. Какие же теории, идеи и методы повлияли на формирование cultural studies? Обычно первым в этом списке называется марксизм, представленный как идеями самого Маркса, так и западного марксизма (Антонио Грамши, Франкфуртская школа, Луи Альтюссер и англо-американские марксисты). Кстати, основоположники cultural studies, бирмингемская группа исследователей культуры, называют себя марксистами. Далее идут психоанализ, структурализм, русский формализм, семиотика, культурализм, феминизм, постструктурализм и постмодернизм.

Принято считать, что основоположницей cultural studies является группа ученых из Бирмингемского университета (Великобритания), создавшая в 1964 г. Центр Современных Cultural Studies при этом университете. В группу входили Ричард Хоггарт, Стюарт Холл, Дик Хебдидж, Рэймонд Уильямс. Наиболее влиятельным из них сегодня является Стюарт Холл, предложивший (вместе с Д. Хебдиджем) наименование cultural studies. Несколько позже, в 1970-х годах, свой вариант cultural studies разработала чикагская группа исследователей культуры. Первоначально английский и американский варианты отличались достаточно существенно, как методологически, так и содержательно. К примеру, британские ученые подчеркивали большое значение марксизма для cultural studies, тогда как для американских исследователей он не имел особого значения. К

концу 1980-х эти различия практически стерлись, и британская модель стала доминирующей, распространившись не только на Северную Америку, но и на другие регионы (Австралию и Новую Зеландию, Азию, Латинскую Америку и Европу).

Итак, что же представляют собой cultural studies содержательно, методологически и концептуально? Попробуем ответить на этот вопрос двумя путями – путем представления основных предпосылок, допущений и идей, и путем раскрытия основных тем и проблем этой дисциплины. В отличие от российской культурологии, содержательно представляющей собой информативный курс «истории культуры» и существовавших в XX веке теорий культуры (большой частью потерявших актуальность), cultural studies исследуют феномены и институты преимущественно *современной* культуры, т.е. культуры «постиндустриального» или «информационного» общества. Здесь нет «истории культуры», поскольку нет «человеческой культуры», есть «человеческие культуры», но истории этих культур дело не cultural studies, а исторических наук. Нет здесь и специального «абстрактно-философского» раздела, с которого начинается любой учебник по культурологии, «что такое культура».

Одно из главных допущений, на которых базируются cultural studies, состоит в том, что общество и культура последних 40 лет, в особенности с конца 1980-х г.г., претерпевают радикальные изменения. Они настолько радикальны, что представляется практически несомненным, что это новый тип общества и новый этап его динамики (слово «развитие» здесь не поощряется, поскольку оно тематически связано с теориями и идеологией прогресса, сомнительного для cultural studies понятия). Осознание этого сдвига и новых форм культуры, порожденных им, составляет основную «заботу» и основное содержание cultural studies. Хорошим примером демонстрации различия в оценке степени этих изменений является сравнение высказываний трех авторитетных постмодернистов, которых разделяет около 20 лет – Андреаса Хейссена и Дугласа Келлнера+Меенакши Гиги Дурхама. То, что они говорят в основном о постмодернизме, пусть нас пока не смущает, поскольку «постмодернизм» - это одна из важных и обязательных тем cultural studies. В 1984 году А. Хейссен писал: «То, что представляется на одном уровне как последний писк моды, рекламный трюк и бессодержательное зрелище, является частью постепенно проявляющейся культурной трансформации в Западных обществах, изменение в чувственности, для которого

термин «пост-современный» фактически, по крайней мере на сегодняшний день, полностью соответствует. Природа и глубина этой трансформации спорна, но это трансформация. Я не хочу быть неправильно понятым как утверждающий, что это глобальный парадигмальный сдвиг культурного, социального и экономического порядка; любое такое утверждение было бы преувеличением. Но в важном секторе нашей культуры происходит заметный сдвиг в чувственности, практиках и дискурсивных образованиях, который отличает пост-современный набор допущений, опытов и пропозиций от допущений предшествующего периода» [1].

В 2006 году Д. Келлнер и М.Г. Дурхам во Введении к своей работе «Медиа и Cultural Studies» пишут: «Понятие постмодерна предполагает фундаментальный разрыв в культуре и истории. Оно означает, что в экономике, обществе, культуре, искусстве и нашей повседневной жизни произошли существенные изменения, которые требуют новых теорий, способов восприятия мира и форм дискурса и практики. Однако... постмодернизм крайне противоречив с его дискурсами и практиками «пост», привлекающими одних и отталкивающими других. Чтобы придать смысл поразительному разнообразию использований семейства терминов внутри сферы постмодерна, мы бы предложили различие между модернити и постмодернити как эпохами или стадиями истории; модернизмом и постмодернизмом как движениям внутри искусства; и современной и постсовременной теорией как противоположных способов теоретического дискурса и интеллектуальных ориентаций в мире. В терминах нарратива нашего Введения постсовременный поворот в культуре и обществе соотносился бы с зарождающейся стадией глобального капитализма, характеризующегося новыми мультимедиа, захватывающей компьютерной и информационной технологией, и пролиферацией новых форм политики, общества, культуры и повседневной жизни» [2]. Как мы видим, Хейссену в 1984 г. этот сдвиг еще не казался парадигмальным, он оценивает его достаточно осторожно. Мнение же Келлнера и Дурхама более категорично – это фундаментальный сдвиг, и сегодня оно является более распространенным на Западе.

Наименование этого нового типа общества остается дискуссионным вопросом, если хотите, вопросом субъективных предпочтений, веер определений очень широк – от «постиндустриального» и «информационно-го» общества, постмодернизма, «высокой модернити» (Э. Гидденс) (что достаточно хорошо известно

постсоветскому читателю), до «сетевое», «цифровое» общества, «позднего капитализма» (Ф. Джеймисон), «деорганизованного капитализма» (С. Лэш и Дж. Урри), «нового мирового беспорядка» и т.д. Но различие в наименовании эпохи это не принципиальный вопрос, гораздо важнее, как мы видим из высказывания Келлнера и Дурхама, что эти радикальные трансформации влекут за собой трансформации всех прежних культурных форм и институтов, а также порождают новые, неведомые до сих пор формы.

Одним из важнейших следствий этих изменений является изменение статуса и роли культуры в изменившемся обществе. Культура приобретает статус ведущего, определяющего социального института. Здесь следует пояснить, что в европейско-американской интеллектуальной традиции, в отличие от российской, культура понималась не как синоним «общества» (продукт человеческой деятельности), а как отдельный, достаточно узкий сегмент общества; к области культуры явно не относились экономика, политика, право, наука, большая часть социальных отношений; культура охватывала в основном сферу повседневных отношений, традиций и обычаев, отчасти пересекалась с религией и искусством. Выдвижение на передний план современного общества культуры и культурных практик является следствием не изменения интеллектуальной парадигмы, т.е. новых подходов, концепций и методов, а прежде всего изменения самой социальной структуры общества. В социальной структуре постиндустриального общества приоритет переходит от производства к потреблению. Важным становится не то, как продукт производится, а как он потребляется, способы потребления заслоняют собой и подчиняют себе способы производства. Возможно, экономический крах социализма является следствием того, что социалистическая экономика так и не сумела стать экономикой потребления, исчерпав ресурсы экономики производства. Поэтому современные западные общества называют еще «обществом потребления», и закономерности функционирования этого общества совсем иные, чем в «обществах производства» эпохи модернити.

Здесь опять-таки следует отметить, что в отличие от советско-марксистского понимания общества потребления как бездуховного, безнравственного и деградирующего, в cultural studies «общество потребления» рассматривается как идеологически нейтральный, констативный термин, как обозначение нынешнего состояния западного общества, в котором акцент с производства перешел на потребление. «Потребление» приобретает более широкий

культурный смысл, чем экономическое потребление продукта: потреблением становится любая форма культурного усвоения продукта – чтение, слушание, созерцание (смотрение), использование (например, компьютера). «Конsumerизм, – пишет Мика Нава, – есть нечто значительно большее, чем экономическая деятельность: он говорит также о мечте и утешении, коммуникации и конфронтации, образе и идентичности... Конsumerизм это дискурс, через который осуществляется и оспаривается дисциплинарная власть» [3].

Теоретики *cultural studies* утверждают, что способ потребления в современном обществе становится основным способом производства, т.е. что культурная ценность (стоимость) продукта создается не в момент его производства, а в акте его потребления. Такой сдвиг стал возможен благодаря расширенному толкованию производства как культурного производства, как производства не столько материальных продуктов, сколько производства ценностей и норм, идей, идеалов, образов, привычек и стилей жизни. Но это опять-таки не столько «интеллектуальная», сколько «структурная» революция, изменения происходят вначале не в головах теоретиков, а в социальной структуре: культурное производство начинает поставлять на рынок такое количество продуктов, способы их потребления настолько разнообразны и настолько отличаются от способов материального потребления, что это приводит к структурному сдвигу в социуме. Хорошо известно, к примеру, что в современном обществе огромную роль играют медиакоммуникации. Рассмотренные с точки зрения культурного производства медиакоммуникации и технологии поставляют на культурный рынок огромную массу новой продукции – от кино-, видеофильмов и телепрограмм до CD, MP плееров, компьютеров, мобильных телефонов, существенно изменяющих и расширяющих способы культурного потребления. Человек оказывается в совершенно ином культурном окружении, ином мире, чем мир XIX-го или первой

половины XX-го веков. В этом смысле культура из партикулярного сегмента общества превращается сегодня в сферу, охватывающую собой все общество, включая экономику, политику, социальные отношения.

Другим важным допущением (или результатом трансформации культуры) *cultural studies* является критика теорий массовой культуры и массового общества. Эта критика ведется с двух несколько разнящихся позиций. Представители первой считают, что теории массовой культуры, возможно, имели свой *raison d'être* в предшествующем типе общества эпохи индустриализма, массового производства и доминирования экономических форм жизни. Но к сегодняшнему дню общество радикально трансформировалось, общество перестало быть «массовым», различие между массовой и элитарной культурой (и искусством) стерлось, самые элитарные продукты культурного производства и произведения искусства стали самыми массово потребляемыми продуктами, поэтому эти теории явно устарели и требуют радикального пересмотра. Представители второй позиции считают, что теории массовой культуры с самого начала и в принципе были «дефективны», даже как отражение общества эпохи индустриализма; что они представляют крайне однобокую и искаженную картину этого общества, основанную на ценностях и идеологии модернизма – противоречивого и путаного феномена. Так или иначе, концептуальный, аксиологический и идеологический аппарат теорий массовой культуры совершенно не подходит для исследования современного «постсовременного» общества.

1. Huyssen, A. *Mapping the Post-modern*. // *New German Critique*, № 33, 1984. P. 6.

2. Durham, M.G., Kellner, D., eds. *Media and Cultural Studies. Key Works*. –Oxford, Blackwell Publishing, 2006. P. XXXIV.

3. Nava, M. *Consumerism and its Contradictions*. *Cultural Studies*, 1:2. P. 209-210.

З.Н. Исмагамбетова

ТЕМА ПОВСЕДНЕВНОСТИ В КУЛЬТУРФИЛОСОФСКОМ ИЗМЕРЕНИИ

Одной из мало исследованных и в то же время актуальных проблем философии культуры и культурной антропологии является тема повседневности. Феномен повседневности всегда представал как маргинальное явление, не

представляющее собой социальной, когнитивной ценности в социокультурной жизни человека – теоретической проблемой. На протяжении ряда столетий для философии актуальной представала проблема осмысления